

ирина коняхина

**МАРГАРЕТ
И
КЕНТ**

16+

Ирина Коняхина
Маргарет и Кент

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Коняхина И.

Маргарет и Кент / И. Коняхина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вторая мировая война закончилась много лет назад. Но все ли её грани известны и понятны, все ли тайны открыты. Что есть предательство и какова цена любви. За этой историей стоят реальные люди и многое из того, о чем написано, случилось на самом деле. Как часто бывает в жизни, любовь и разлука устраивают немислимые испытания. Повороты судьбы сложны и непредсказуемы. Нити прошлого тянутся в современность. И иногда случаются чудеса.

© Коняхина И., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Маргарет	7
Глава 2. Винсенте	11
Глава 3. Война	15
Глава 4. Невеста	19
Глава 5. Акционерное общество	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ирина Коняхина

Маргарет и Кент

Пролог

Когда-то давно, в начале восьмидесятых, я была еще совсем молодой девушкой и работала медсестрой в бельгийском госпитале. Мне довелось познакомиться с очень интересной женщиной. Несмотря на то, что Маргарет, так ее звали, было уже без малого семьдесят лет, и она была больна, все выдавало в ней роскошную красавицу с мягким тихим голосом и стройной фигурой.

К ней часто приезжал мужчина лет сорока, ее сын Мишель, артист цирка, фокусник, внешне очень похожий на известного французского комика Фернанделя. Если мне не изменяет память, сначала мы познакомились с Мишелем, а потом я стала сиделкой у Маргарет.

Я знала, что у Маргарет Барча есть еще один сын, старший, Рене, но тот жил в Испании, в Аликанте, и при мне мать ни разу не навещал.

Зато раза три или четыре приходил немного странный посетитель – при первом визите он напыщенно представился писателем Леопольдом Треппером, имени его я прежде не слышала и, тем более, не читала его книг. Писатель каждый раз просил оставить его наедине с Маргарет. Я выходила в коридор, садилась у двери и пыталась услышать, о чем они там говорят. Из палаты доносились голоса, преимущественно писателя, было слышно, что он ее о чем-то расспрашивал, и что-то сам ей рассказывал, но слов было не разобрать.

Создавалось странное впечатление – как будто женщина ждала этого посетителя, при этом явно он был ей неприятен. Каждый раз после встречи с ним Маргарет выглядела расстроенной, а после его ухода, не раздеваясь, ложилась на кровать, отворачивалась к стене и не желала никого ни видеть, ни слышать.

Когда моя подопечная была в хорошем расположении духа и ей было чуть полегче, мы с ней с удовольствием гуляли в больничном дворе или пили чай в палате. И тоже много разговаривали. Я рассказывала ей про свою влюбленность в ее лечащего врача Пьера, наш интерес друг к другу был еще в самой романтической и невинной стадии, она радовалась за нас и все время сетовала на то, что когда-то по трагическому стечению обстоятельств потеряла любовь всей своей жизни – отца Мишеля. Ее возлюбленный после второй мировой войны отправился в Россию, да так оттуда и не вернулся. Она ждала его всю жизнь. И сейчас все еще ждет.

Я выслушивала от Маргарет очередную порцию воспоминаний и почти каждая наша беседа заканчивалась моими вздохами и призывами:

– Маргарет, дорогая, ну, попробуйте еще раз сделать запрос через «Красный Крест»! В жизни чего только не бывает. Раньше не было о нем информации, сейчас, может быть, появилась! Попробуйте!

– Да я уже столько раз там была, – с грустью оправдывалась Маргарет, – они отвечали, что сведений о человеке с таким именем нет. Но я верю, что он жив, что у него были какие-то очень важные, чрезвычайно важные обстоятельства, при которых он не мог вернуться к нам, что он по-прежнему любит нас и с ним все в порядке... Надо просто еще немного, совсем немного подождать...

– Обещайте, что, когда вас отпустят домой из госпиталя, вы попытаетесь еще раз! – не унималась я.

– Милая моя, ты думаешь меня отсюда когда-нибудь отпустят? – с горькой усмешкой переспрашивала госпожа Барча.

– Конечно! Вне всякого сомнения! Вы скоро отправитесь домой! – отвечала я, вкладывая в свой голос как можно больше уверенных нот.

Глава 1. Маргарет

Маргарет родилась в Праге в семье чешских евреев Зингеров и стала их вторым ребенком. Отец девочки был успешным предпринимателем и основал свой капитал на том, что вполне удачно инвестировал средства в бумаги различных акционерных обществ. Маргарет с детства была окружена любовью и достатком, росла светловолосой красавицей, получила приличное образование и относительно рано вышла замуж за венгра Эрнеста Барча, мужчину достойного во всех отношениях. Через год у супругов Барча родился сын Рене, и они выглядели вполне благополучной семьей.

– Мы жили так спокойно и скучно, – вспоминала, Маргарет, глубоко вздыхая, – что казалось, нам не двадцать с небольшим, а двести лет. Как все люди нашего круга мы часто ходили в кино, в оперу, ужинали в ресторанах... За чистотой в доме следила нанятая работница, еду готовила кухарка. Это было такое простое и беззаботное время! Я могла себе позволить покупать дорогие наряды, обувь и самые изысканные по тем временам чулки и белье. Я беспечно проводила время в хождении по магазинам и барам, болтовню с мясниками, галантерейщиками, булочниками или подругами. Как же все в моей жизни тогда было приятно и просто... И, между прочим, я была первой женщиной у своего взрослого мужа, по крайней мере, он мне так сказал. Эрнест тоже был первым мужчиной в моей жизни, и я даже в мечтах не представляла, что у меня будет кто-то еще. Нет, вру, в мечтах, конечно, иногда представляла... иногда! Я только сейчас понимаю, что это было самое настоящее счастье, потому что не хотелось ничего менять. Я просто жила и ни о чем не задумывалась, была уверена, что так будет всегда.

Мы сидели на скамеечке, и моя подопечная прикрыла глаза, пытаясь мысленно перенестись в то время.

– Но нравится нам это или нет, – горестно вздохнула Маргарет и открыла глаза, повернувшись в мою сторону, – жизнь время от времени преподносит нам события, сами по себе они могут быть разной степени важности, но цепь последствий, которая за ними тянется, меняет все вокруг кардинально. Мне всегда не давала покоя одна единственная мысль – как в жизни каждого человека может все так резко измениться! Абсолютно все! Иногда за одну неделю, или за день или в одно мгновение! Ну, вот смотри – всего один пример. Тебя тогда еще и на свете не было... В марте 1939 года немцы вошли в Прагу. Почти сразу начались многочисленные аресты евреев. Казалось бы, мы, Зингеры, католики, внешне не особо похожи на евреев, на лице же у нас это не написано. Да и брат мой был женат на немке, а сама я уже несколько лет носила венгерскую фамилию. Но что делать с нашими соседями! Их возможные доносы нависли реальной угрозой. Мы меньше опасались чехов, их вряд ли стоит упрекать в болтливости. А вот те знакомые евреи, которые уже находились на немецких приемных пунктах, охотно делились информацией о том, кто, где и какого происхождения еще остался неучтенным. В такой обстановке рисковать жизнью и всем своим имуществом было бы безрассудством. Хорошо еще, что у нас на сборы было какое-то время! Без особой суеты, взяв с собой только самые ценные вещи, все наши три семьи – родители и дети с супругами – направились в Бельгию.

Этим же вечером, уже в больничной палате, в продолжение начатого на лавочке рассказа, я узнала от Маргарет, что они поселились в Брюсселе, на улице Беко, 106. Зингерам удалось недорого снять три квартиры в одном доме. Они опять были все вместе – родители и семья Барча жили на одном этаже, старший сын со своей женой-немкой Элеонорой – этажом выше. Кроме расставания с родиной, пожалуй, особых перемен в их жизни даже и тогда не произошло. Старший Зингер все так же исправно получал дивиденды по своим многочисленным акциям и вкладам в банках. Его сын сумел открыть в Брюсселе часовую мастерскую, а зять Эрнест Барча, дипломированный адвокат, который свободно говорил и по-французски, и по-немецки, устроился в солидную контору с приличным жалованием. Рене, сын Эрнеста и

Маргарет, тоже довольно быстро освоился в новой обстановке, играл во дворе с франкоговорящими мальчишками, успешно осваивая иностранный язык, и проводил большую часть дня с бабушкой и дедушкой Зингерами.

Как-то так само собой сложилось, что и здесь супруги Барча проводили время и развлекались в привычной для себя манере – кинотеатры, опера, рестораны. Появились даже какие-то новые друзья, которые приходили к ним в гости на чай или поиграть в карты. Иногда Эрнеста с Маргарет приглашали на светские приемы и балы. Полгода – достаточный срок, чтобы привыкнуть к новой обстановке и начать строить планы на светлое будущее. Например, выбрать для Рене престижную школу и начать откладывать деньги на свой дом

В первых числах сентября 1939 года немцы вошли в Польшу, и, хотя после этого тоже ничего особо не изменилось в их жизни, все же появилась некоторая тревожность в разговорах и на светских вечеринках, и дома у Барча и Зингеров.

Примерно в это время на их этаже поселился молодой человек – Винсенте Сьерра. Он оказался не только симпатичным, но и довольно общительным – буквально в первый же день познакомился со всеми соседями, рассказал, что приехал из Уругвая изучать экономику и иностранные языки. Маргарет молодой иностранец показался слишком худеньким и скромным. Но чрезвычайно милым и обаятельным. Ей хотелось его опекать и как-то помочь влиться в бурную светскую жизнь Брюсселя. При этом важно было не забывать про статус замужней дамы, и изо всех сил умирять свое желание уж, слишком активно участвовать в судьбе Винсенте. Иногда с мужем они брали его с собой в кинотеатр или в ресторан, или встречались в гостях у ее родителей Зингеров. Не будет преувеличением сказать, что к старшим Зингерам Винсенте зачастил – похоже, в его молодые годы, ему не хватало родительской заботы.

Рождество тоже встречали все вместе, включая уругвайца, – украсили квартиру Зингеров в католических традициях, приготовили друг другу трогательные подарки, а потом в праздничной одежде отправились на службу в собор.

Маргарет изо всех сил пыталась понравиться Винсенте – при любом удобном случае применяла свое женское обаяние, кокетничала с ним, строила глазки, но при этом старалась, чтобы никто другой этого флирта не замечал. Сам Винсенте, пожалуй, особого внимания на молодую красавицу и не обращал. Или делал вид, что не обращает. Зато ее мудрая мама почти сразу заподозрила неладное, и, когда в один из дней после обеда они остались вдвоем в родительской квартире, а все мужчины уехали на скачки, старшая Зингер устроила легкомысленной дочери настоящий допрос.

– Он просто милый, и мне его жаль, он так одинок, – оправдывалась Маргарет.

– С этого обычно все и начинается, – усмехнулась София Зингер, протирая полотенцем вымытые тарелки, – одинок, жаль... Потом пригреть, потом приласкать, потом... и так далее. Ой, Магги, ты так рано вышла замуж, у тебя не было других мужчин, кроме Эрнеста... Ты просто не нагулялась!

– Разве это плохо? Ну, что не нагулялась? – лукаво улыбнулась молодая женщина.

– Трудно сказать. Я тоже вышла замуж в двадцать лет. Все говорили – как мне повезло... подружки завидовали – он красивый, богатый, добрый, любит меня. А я потом еще много лет, как собачонка, вглядывалась в лица других мужчин, и все думала – может быть, вот тот, другой, и есть мой лучший в мире хозяин, и зря я не дождалась своей настоящей любви...

– Мама, что ты такое говоришь! Какая собачонка! Наш папа – самый лучший в мире мужчина! Он просто потрясающий! Идеал! Даже сейчас, в его возрасте. Посмотри, как он чудесно выглядит – энергичный, жизнерадостный, с таким юмором! Я обожаю нашего папу!

– Да! Как раз его шуточки меня раздражают больше всего! Он ведь не шутит про своих партнеров и друзей – он надо мной издевается! И все это исключительно ради эффектного оборота речи. Я смирилась уже. Люблю его, конечно, столько лет вместе. Даже не представляю, как буду жить без него, если с ним что-нибудь случится. Да это каждый раз, когда мне хотелось

сбежать от него с каким-нибудь новым, как мне казалось, возлюбленным, он как будто чувствовал это и серьезно заболел. Тут же мне представлялось, что после нашего расставания Зингер сразу умрет, то ли от болезни, то ли от горя. И я так хорошо это себе представляла – его смерть, что мне в тот же час перехватывало горло от ужаса, и я останавливалась и... оставалась. В какой-то момент я поняла, что должна заботиться о нем постоянно – тогда с ним ничего не случится. Мужчина в семье требует непрерывного внимания.

– А у него были любовницы, как ты думаешь? Ну, мам, были?

– Наверное, были! Этот старый лис умел и до сих пор умеет хранить свои тайны. А может, и не было, кто там его на самом деле знает. Или я хочу так думать и себе это внушаю. Сейчас уже что говорить – большая часть жизни прожита, я постарела. Да, постарела, слава богу, у меня хватает мужества это признать. И теперь с ужасом думаю, а что, если этот лис, твой отец, не дай бог, бросит меня и уйдет в мир иной, или того страшнее – найдет себе молодую подружку.

– Ой! Глупости, пожалуйста, не говори, ты еще тоже молодая и красивая! Пока тебе не исполнилось пятьдесят – я вообще не разрешаю тебе жаловаться на возраст! И папа тебя очень любит, я же вижу. И никого у него нет и не будет! Вы будете жить долго-долго!

– Какая же ты еще наивная девочка, а потому плохо видишь и не все знаешь. Не уверена, что надо об этом говорить с дочкой, но есть такой знак, я бы даже точнее сказала – маячок, по которому стоит бить тревогу – чрезвычайно редкое желание близости со стороны мужчины. Это самый верный признак, что жди беды...

– Да ну, тебя! Для меня это никакой не показатель! И абсолютно не тревога! Я и сама не слишком стремлюсь к близости, и даже рада, что Эрни не слишком активен в этом плане. Как мы приехали в Бельгию, я даже и не вспомню, спали ли мы вместе или нет. А еще я до ужаса боюсь беременности, сейчас это совершенно ни к чему. Такое жуткое время! Вокруг Бельгии война. А что, если она придет и в Брюссель?

– Война, дочка, это не самое страшное, я думаю! К тому же этого, скорее всего, не случится, – не слишком уверенно заявила старшая Зингер, – тебе не о войне, а о своем женском здоровье и о своей семье надо думать! Женщина должна регулярно и с удовольствием жить с мужчиной, тогда у нее и со здоровьем все будет в порядке. И беременности не бойся, мы всегда тебе поможем, что бы не случилось! Ты же прекрасно об этом знаешь. И мы с отцом, и брат. Вот ведь своих детей у них с Элеонорой так и нет, хотя они мечтают о них с первого дня после свадьбы. Так, уж, устроен мир – кто хочет детей, у того не получается, кто не хочет – сплошные беременности, хоть плачь!

– Что касается увлечений мужа на стороне – здесь я более или менее спокойна.

– А вот это очень плохо, дочка! Эрнест – молодой мужчина, он обязан желать женщину. И, если это не ты, значит, приглядишься, нет ли какой другой.

– Мама, ну, не говори глупостей! Я абсолютно уверена, что у него никого нет. Он очень устает на работе. К тому же Эрни искренний и открытый человек, очень порядочный и набожный. И потом, не забывай, он же все-таки не еврей, а католик, мама!

– Ну, да! Мне тоже кажется, что он верен тебе. Эрнест тебя по-прежнему боготворит, я это вижу. И налюбоваться тобой не может... Ты у меня и в самом деле красавица-красавица, – мать нежно обняла Маргарет за плечи.

– Так что, мамочка, твой маячок и твоя тревога напрасны...

– Слушай, а он не болен? Он, кстати, как-то нехорошо подкашливает в последнее время... С легкими у него все в порядке?

– Он абсолютно здоров. Просто много нервничает на работе, такая ответственность! Тревожится за нашу семью, за будущее Рене... Он здоров, мама! Мне, наверное, самой следует быть немного активнее и добавить что-нибудь этакое в наши отношения.

– Ты подумай! Да! А то ведь растолстеешь и состаришься раньше времени!

– Обязательно подумаю! – улыбнулась Маргарет, незаметно взяла маленькое шоколадное пирожное из вазочки на столе и, поцеловав мать в щеку, упорхнула из родительской квартиры в свое гнездышко.

Поздно вечером, соблазнительно высунув из-под кружевного пододеяльника свою длинную стройную белую ногу и разглядывая то ее, то заснувшего и отвратительно храпящего мужа, она пыталась представить в своей постели соседа-уругвайца. «Фу, стыд какой, он совсем еще мальчишка!» – укоряла себя Маргарет и засыпала в сладкой истоме и с надеждой, что целоваться и заниматься любовью с чужим мужчиной во сне никакое не преступление.

Винсенте был учтив, всегда приподнимал шляпу и целовал ей руку, когда встречал на лестничной площадке или во дворе, или в магазине. Чуть ли не каждый вечер молодой уругваец заходил, чтобы поболтать со старым Зингером. А потом Винсенте исчез.

Не видно было света в его окнах, он никак не попрощался не то, что с ней, даже с ее родителями. «Может быть, с ним что-нибудь случилось? Время нынче очень беспокойное...» – волновалась какое-то время Маргарет, а потом попросту забыла про молодого симпатичного соседа.

Однажды утром она проснулась в абсолютной тишине. Храпа мужа было неслышно, и это было очень необычно. Тем более, что он лежал здесь же, рядом. Маргарет попыталась взять Эрнеста за руку, чтобы дать ему знак, как обычно по утрам, что она проснулась, и он бы ее обнял. Рука мужа показалась каменной и холодной. Женщина вскочила, и из ее груди вырвался длинный и истошный крик. На этот жуткий крик, потирая глаза руками, в спальню родителей прибежал испуганный Рене.

– Сыночек! Беги быстро и позови дедушку, скажи, с папой беда!

Не до конца проснувшийся Рене отправился к Зингерам. И уже практически через минуту папаша Зингер в пижаме и стоптанных тапочках склонился над бездыханным зятем, а его жена София в кабинете адвоката капала в стакан успокоительные капли для готовой упасть в обморок дочери.

Спустя какое-то время, Зингер вызвал по телефону полицию и врача. Сомнений не было – Эрнест мертв, но надо было соблюсти правила и услышать этот страшный вердикт от доктора.

В красивом полупрозрачном пеньюаре, слегка прикрывшись теплой шалью Маргарет сидела в рабочем кресле мужа, пила успокоительные капли и бессмысленно разглядывала стену напротив – потрескавшиеся и выцветшие обои, паутинка в углу, солнечный зайчик, пробирающийся сквозь штору и не раскрытые после ночи жалюзи – все как всегда, и при этом ее родного и любимого, самого лучшего в мире мужа, ее Эрни, больше нет на свете. И ужас в том, что никогда не будет. Почему? Он такой хороший, такой молодой, она была ему бесконечно преданна и так ни разу и не изменила ему – за что ее и его тогда так наказывать... Почему он бросил ее таким страшным способом... Слез в глазах Маргарет не было, был душераздирающий ужас.

Глава 2. Винсенте

Поднявшись с чемоданом по лестнице к своей брюссельской квартире, Винсенте встретил на площадке соседку, дочь Зингеров Маргарет Барча. Женщина была в траурной одежде, ее волосы и глаза прикрывала черная вуаль. Винсенте поставил на пол чемодан и подошел к Маргарет. Учтиво взял ее руку и в ожидании плохих новостей тихо произнес:

– Маргарет, что случилось? Что, кто-то умер? Кто?

– Мой муж. Эрнест... Его больше нет... Мы несколько дней назад похоронили его. Куда вы пропали?

– Соболезную! И ради бога, простите! Мой отъезд был очень срочным, поэтому я не стал никого беспокоить. Я был в Швейцарии. По делам. Как вы? Отчего умер Эрнест? Давайте же пройдем в мою квартиру, я хотя бы поставлю чемоданы.

– Нет. Я не могу об этом говорить! Это ужасно! Эрнест умер во сне. Ничто не предвещало такой беды. Еще накануне он выглядел здоровым, играл в карты с друзьями. Это сердце! Тромб. Он был еще таким молодым, всего тридцать три года! – Маргарет в голос разрыдалась на груди у Винсенте. Молодой человек помог женщине вернуться в ее квартиру, усадил на стул и налил стакан холодной воды. Маргарет немного успокоилась, по крайней мере, прекратила плакать.

– Я не плакала даже на похоронах Эрнеста. Простите, что-то на меня нашло. Пожалуйста, оставьте меня одну. Я сейчас ужасно выгляжу и не хочу, чтобы кто-то видел меня такой.

– Господи, о чем вы говорите, Маргарет! Если вам будет от этого легче, я уйду. Но в любую минуту, когда вам потребуется помощь или просто сочувствие, желание с кем-нибудь поговорить, зовите меня. Я искренне сожалею. Эрнест был прекрасным человеком!

– И самым лучшим мужем. И отцом!

– А... где ваш сын Рене? Вы одна?

– С Рене все в порядке! Он пошел к Зингерам, я как раз хотела забрать его домой, когда мы с вами встретились на лестничной площадке.

– Оставайтесь дома. Я сам схожу за Рене. И поздороваюсь с Зингерами, скажу им, что вернулся. Кто бы мог подумать, что все так случится. Я сейчас. Только чемодан к себе занесу.

Винсенте на пару минут забежал в свою квартиру, оставил чемодан и пошел к Зингерам. Их квартира была в траурном оформлении – черные шторы, горящие свечи. Воздух казался спертым и пронизан сладковато-горьковатым запахом лекарств.

– Простите, я был в отъезде, сейчас на лестничной площадке встретил Маргарет, она рассказала мне про это трагическое событие. Соболезную!

– А, Винсенте, мальчик! Все так действительно ужасно! Так жаль, что с нами нет нашего дорогого Эрнеста! У меня до сих пор в уме не укладывается – такой молодой! Тридцать три года – что же это делается! Все катится в тар-тарары! Что будет с Маргарет... Проходи, садись! – отец Зингер пожал руку Винсенте. – Хорошо, что ты вернулся. Я думал о тебе эти дни.

– У меня были очень срочные дела в Швейцарии, я должен извиниться, что не предупредил вас об отъезде.

– А-а! Да это ладно! Ты и не должен нам ни о чем докладывать! Конечно, у тебя есть своя личная жизнь, учеба и свои планы. Я про другое сейчас хочу поговорить.... Видишь ли.... В Европе сейчас неспокойно. Германия оккупирует все новые и новые территории. Мы очень вовремя покинули Прагу, похоже, настала пора уезжать и из Брюсселя. Ты знаешь, мы ведь евреи, хотя и приняли католическую веру. Оставаясь здесь, мы все время будем под угрозой. Придут немцы, нас арестуют. Мы это всей семьей обсуждали, еще когда Эрнест был жив. И, увы, увидели только один выход – пока не поздно, уехать в Соединенные Штаты. Сын со своей женой Элеонорой согласились поехать вместе с нами. А вот Эрнест с Маргарет были против.

Мы не особенно их уговаривали, все-таки Барча – это венгерская фамилия, может быть, у них все и обошлось бы. Но сейчас, когда Маргарет стала вдовой, как она будет здесь одна? Я просто голову сломал от этих тяжелых мыслей. На какие средства она будет жить, если мы не сможем присылать ей деньги? А это обязательно случится, если война перестанет быть, как сейчас «сидящей», и станет обычной жестокой войной!

– А что будет с Рене?

– Ой, не спрашивай! О нем мы тоже очень беспокоимся. Очень! Маргарет не хочет оставлять могилу мужа. И Рене должен будет остаться с ней, иначе ей будет совсем одиноко. Но как она будет заботиться о нем, что будет с его образованием? Столько неразрешимых проблем и вопросов!

– Может быть, мне стоит поговорить с Маргарет? Попытаться еще раз убедить ее в том, что ей лучше уехать вместе с вами в Америку?

– Вот это правильно, на это я только скажу – да! Попробуй, дорогой! Хотя я сомневаюсь, что она согласится. Наша дочь такая упрямая! Ты хотя бы уговори ее отпустить вместе с нами Рене. Никто лучше нас не позаботится о мальчике.

– Я попробую! Хотя, боюсь, без Рене ей здесь будет совсем невыносимо... Да, уж, и так плохо, и так нехорошо!

– Война обязательно будет! Поверь мне, старому еврею. Моя интуиция меня никогда не подводила. Все будет ужасно! Европу ждут страшные испытания.

Только теперь Винсенте вспомнил, что обещал Маргарет привести Рене. Мужчина попрощался с хозяевами, взял мальчика за руку и отвел к матери.

После своего возвращения из Швейцарии на улицу Беко Винсенте несколько раз заходил к Маргарет, они пили кофе с круассанами. Говорили о погоде, о ценах в магазинах, о приближающейся к Бельгии войне. Наконец раз на третий или даже четвертый Винсенте уже почти в дверях решился повернуть разговор на тему переезда Маргарет с сыном в Америку.

Маргарет была категорична:

– Винсенте, прошу вас. Мне очень тяжело об этом говорить. Я все решила. Я не оставлю могилу любимого мужа, а Рене не оставит меня. Мне безразлично, как и на что мы будем жить. Я не боюсь ни нищеты, ни голода. Умрем, значит умрем.

– Что вы такое говорите! Маргарет, вы такая красавица! У вас еще целая жизнь впереди! Вы обязательно встретите какого-нибудь достойного мужчину, и у вас будет новая семья!

– Нет! Нет и нет! Моя жизнь закончилась в тот день, когда похоронили Эрнеста. Впереди у меня сплошная пустота, я доживаю свой век на этом свете! Мне абсолютно безразлично, как это все будет происходить. И настоятельно прошу вас прекратить все эти разговоры про Америку. Мне это неприятно! Если вы еще раз начнете меня уговаривать, пожалуйста, больше не приходите!

Винсенте внимательно посмотрел на женщину. И почему он раньше не замечал ее такие выразительные глаза. Какой у нее приятный цвет кожи, какое милое нежное лицо. И белокурые волосы, схваченные в пучок на затылке. Несколько отливающих золотом кудряшек выбились из пучка и небрежно лежали на длинной шее. Черное крепдешиновое платье чуть ниже колен, пока она сидела, слегка открывало ее стройные длинные ноги. На Маргарет были дорогие темные шелковые чулки и модные туфли с массивной пяткой и на высоком каблуке.

Маргарет поймала на себе пристальный взгляд Винсенте, одернула платье, они оба немного смутились. Молчание нарушил Винсенте:

– Маргарет, дорогая! Посмотрите на себя в зеркало! Природа наградила вас внешностью, о которой можно только мечтать! Вы необыкновенная красавица! Говорю вам это совершенно искренне! И эта роскошная молодая женщина ставит на себе крест! Не смейте!

– Природа лишила меня самого важного в жизни! У меня больше нет моего Эрни! Прошу вас, уходите, я не желаю больше с вами разговаривать! Я ведь знаю, это мои родители велели

вам меня уговорить. Передайте им, пусть уезжают! Я останусь здесь с Рене, и никого из вас не хочу больше видеть!

Раздосадованный полным поражением в переговорном процессе Винсенте отправился к Зингерам. Они приняли его тепло, потому что особо не рассчитывали на успех.

– Что же теперь делать, – с горечью произнес папаша Зингер, – придется это принять как неизбежность. Мы все равно будем вынуждены уехать.

Пожилой мужчина жестом усадил гостя в кабинетное кресло, сам подошел к дубовому буфету и налил коньяк в два старинных хрустальных бокала. Один бокал передал Винсенте, а сам не стал садиться и не слишком решительно произнес:

– Винсенте, дорогой, могу я попросить тебя об одном одолжении?

– Разумеется, месье! – молодой человек привстал, посчитав неудобным разговаривать с Зингером сидя, когда тот стоит.

– Сиди-сиди! Я тоже сейчас сяду. Пожалуйста, позаботься о Маргарет. Если ей потребуется какая-нибудь помощь!

– Конечно, месье! Я сделал бы это и без вашей просьбы!

– Мы планируем в конце этой недели отправить багаж, а на следующей неделе или, самое позднее, недели через две – сами двинемся в дальний путь. Сначала в Париж, а потом по морю до Америки. Что делать! Судьба посылает нам тяжкие испытания. После того как мы отправим крупные вещи, мы будем жить в квартире у Маргарет. Надеюсь, мы еще увидимся до нашего отъезда? Ты ведь никуда больше внезапно не исчезнешь?

– Нет, что вы. Пока я ничего не планирую.

Прошло две недели. Вечером накануне отъезда Зингеры устроили прощальную вечеринку. Были только члены семьи и Винсенте. Выпили вина, послушали музыку. Зингер-старший предложил Винсенте выкурить по сигаре в кабинете Эрнеста Барча. В комнате был полумрак, мужчины сидели в мягких креслах.

– Скажи, Винсенте, что ты станешь делать, если вдруг начнется война?

– Не знаю... Я не вижу для себя здесь такой уж опасности. Я гражданин Уругвая. Разве что в Бельгию придут англичане, тогда меня могут арестовать как дезертира. И то вряд ли. Скорее всего, им будет не до меня. Я постараюсь открыть здесь свой бизнес, одновременно буду учиться в университете. Я ведь еще и студент. Пока родительских денег мне вполне хватает. Возможно, они еще мне что-нибудь пришлют.

– Ты знаешь, мне больше не к кому с этим обратиться! – Зингер положил руку на плечо Винсенте и пристально посмотрел на него. – Я очень тебя прошу, приглядывай за Маргарет! Найди возможность, дай мне знать, если ей потребуется какая-то серьезная помощь.

– Конечно. Я же вам уже не раз обещал! Если, конечно, в моей жизни тоже не случится чего-нибудь внезапного. Например, мои родители потребуют, чтобы я срочно вернулся. Да мало ли что может случиться.

– Это понятно! – согласился Зингер. – Я вот тут все время думаю, как мне обеспечить Маргарет. Сама управлять бизнесом она не сумеет, да и не женское это дело.

– Ей в любом случае будет очень непросто. И что вы решили?

– На первое время мы оставим ей некоторую сумму денег. Я распорядился, чтобы дивиденды от моих чешских предприятий тоже поступали сюда на ее счет. Не знаю, как долго это будет продолжаться. Тебе я тоже готов кое-что оставить, но это не деньги.

– Я бы и не взял у вас... денег! – поспешил заверить молодой человек, слегка смутившись и покраснев.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, поэтому и не предлагаю! У меня есть кое-какие полезные контакты. Это может оказаться чрезвычайно важным для твоего будущего бизнеса. Возможно, это окажется даже более ценным, чем купюры. Ссылайся на меня. Используй все возможности и пути. Взамен прошу только одно – будь поддержкой Маргарет.

– Я, конечно, не буду отказываться от полезных знакомств. Но все, что касается Маргарет, еще раз повторюсь – я бы стал ей помогать и без вашей просьбы.

– Да? – лукаво подмигнул папаша Зингер. – Ты смотри не влюбись в нее! Она, конечно, у меня красавица и умница. Блондинка! Но боюсь, она будет изводить себя воспоминаниями о своем Эрнесте. Должно пройти какое-то время, пока она придет в себя и сможет полюбить кого-то еще... Обычно, у других, на это уходит пара лет. Сейчас не до прогнозов, все меняется так быстро, и мало что зависит от нас.

– Да что, вы, – смутился Винсенте, – я и не посмел бы никогда! И потом – она старше меня!

– И всего-то на один год. Это пустяки! Что там говорить, если вдруг влюбишься, решайте сами – между собой. Как богу будет угодно. Да и, пожалуйста, забудь про глупости, что я тебе сейчас наговорил. С отцами такое бывает. Хотим устроить счастье своих дочерей и совсем не понимаем, что для них будет этим счастьем, – Зингер от избытка эмоций даже слегка прослезился.

Потом взял себя в руки, вытащил из кармана записную книжку с потертой от времени обложкой и протянул ее Винсенте.

– Вот. Это тебе. Здесь имена, некоторые адреса и телефоны людей, с которыми тебе хорошо бы подружиться. Или, как минимум, познакомиться. Связи – это очень важно! – поучал Зингер. – А точнее, умение ими грамотно пользоваться. Вот здесь, например, господин Жарон – юридическое сопровождение регистрации фирм. Или Петерчек – известный адвокат, он, кстати, работал вместе с Барча. Вот этот человек – влиятельный банкир. Кредиты, счета – за всем этим к нему. И смело называй мое имя! Общайся с полезными людьми, дружи, даже если они тебе в данный момент и не нужны. Встречайся по поводу и без. Поздравляй их с днем рождения, приглашай на охоту, ходи с ними в рестораны. Но, главное, помни, что знакомства с полезными людьми, это не цель, а средство для успешного бизнеса.

– Спасибо! В этом я с вами совершенно согласен! И новые контакты мне очень пригодятся. Огромное вам спасибо!

Мужчины докурили сигары и вернулись в гостиную. Винсенте вспомнил предостережения Зингера по поводу романа с его дочерью и посмотрел на нее очень внимательно: «Маргарет, конечно, очень красивая. Но мы такие разные...»

Молодая вдова всячески отгораживалась от внешнего мира. Она ни с кем не разговаривала, не обсуждала каких-то своих планов. И была равнодушна к мечтаниям своих родителей и брата о том, какая чудесная жизнь их ждет в прекрасной и далекой стране – Соединенных Штатах Америки.

Глава 3. Война

Это случилось уже в мае, точнее, 9 мая 1941 года. Несмотря на позднее время, на улице нарастал шум. К встревоженным голосам людей, раздававшимся с улицы, добавился непонятный гул. Маргарет подошла к окну и увидела, что в небе на большой высоте летят самолеты. Много самолетов. Она очень испугалась и хотела зайти к Винсенте. Вышла на лестничную площадку. Прислушалась к голосам за его дверью и поняла, что молодой сосед в квартире был не один. Вернулась к себе и попыталась уложить спать Рене.

– Мама, это что? Это кто? Это немцы? Нас убьют?

– Нет, родной! Нас не убьют. Это просто мимо летят самолеты, это не к нам. Они летят на войну...

– А война далеко от нас?

– Не знаю, милый! Надеюсь, что еще далеко. Мы сейчас с тобой включим тихонько радио, и нам там все расскажут. Ты спи! – Маргарет вышла в кухню и включила радио, но оттуда слышалось тихое потрескивание и ничего больше. Женщина вернулась в спальню сына, оставив дверь открытой, прилегла рядом с Рене и не заметила, как задремала.

Ее разбудил громкий гимн Бельгии, вырывавшийся из динамика радиоприемника. «Святая дева Мария, подумала она, с Бельгией все в порядке, раз по радио звучит ее гимн».

Маргарет встала с кровати, надела на босу ногу комнатные шлепанцы и пошла на кухню выпить воды и выключить радиоприемник.

Неожиданно музыка гимна смолкла, и диктор тревожным голосом передал важное правительственное сообщение о внезапном нападении на Бельгийское королевство немецких сухопутных войск и авиации. Уже сброшены первые бомбы на бельгийские города. Правительство Бельгии просит всех сохранять спокойствие. Бельгия будет защищаться...

Услышав такие новости, соблюдать этикет и заботиться о впечатлении, которое она произведет на соседа своим вторжением без приглашения, уже не было сил. Маргарет бросилась к двери Винсенте и стала стучать в нее изо всех сил.

– Кто там? – раздался из-за двери встревоженный голос мужчины.

– Это я, Маргарет. Откройте, пожалуйста, мне очень-очень страшно!

Винсенте приоткрыл дверь и увидел, что в глазах женщины и в самом деле застыл ужас. На ее темный шелковый халат была наброшена мягкая кашемировая шаль. Белокурые волосы растрепаны, глаза полны слез.

– Можно мне войти? Пожалуйста... – прошептала Маргарет.

– Простите, я не один, – смутился Винсенте, преграждая вход в свою квартиру.

– У вас женщина? – растерянно пролепетала Маргарет.

– ...У меня мужчина, – немного помедлив с ответом, выдал Винсенте.

Маргарет увидела за спиной соседа, в дверном проеме комнаты, незнакомого мужчину в наспех накинутом халате. Женщина растерянно развернулась и медленно пошла в сторону своей квартиры.

– Маргарет, постойте! Это совсем не то, что вы подумали! Вернитесь, я вам все объясню!

Винсенте догнал Маргарет, обнял за плечи. Его как будто током ударило от ее шали. Молодой человек вспомнил, что он в пижаме и в тапках и вид у него совсем не мужественный, и опустил руки вниз.

– Это мой деловой знакомый. Мы долго работали с документами, и я уговорил его остаться у меня на ночь. На улице сейчас так неспокойно.

– Вы не обязаны отчитываться передо мной, – всхлипнула Маргарет и неожиданно даже для себя сама обхватила руками плечи Винсенте, – мне было очень страшно. С улицы кричали, что началась война! Что теперь с нами будет?

Маргарет удерживала мужчину, стоящего с опущенными вниз руками, и ни за что не хотела разжимать свои объятия...

– Милая, дорогая, Маргарет! – мужчина коснулся губами ее волос, это было неуклюже и мало похоже на поцелуй. – Успокойтесь, прошу вас! Все образуется! Вот увидите! Пока ничего особо страшного не случилось. Мы же все предполагали, что немцы могут войти в Брюссель... Успокойтесь и идите спать. Завтра обо всем поговорим. Доброй ночи, – Винсенте вложил в свой голос столько уверенности и спокойствия, что Маргарет, похоже, поверила ему. Она еще раз теперь уже всего на секунду прижалась к молодому уругвайцу, а затем убежала в свою квартиру.

На следующий день, рано утром побродив немного по улицам, чтобы понять, что происходит в городе, и так до конца не осознав, что именно здесь кардинально изменилось с приходом немцев, Винсенте решил вернуться домой. Его документы были в порядке, но в такой неразберихе лучше не искушать судьбу понапрасну. Поднявшись по ступенькам на лестничную площадку своей квартиры, он все-таки решил заглянуть к Маргарет. Женщина открыла дверь, даже не спросив, кто звонит. На Маргарет были плащ и шляпка. Разумеется, Винсенте решил, что она собирается куда-то уходить или только что пришла.

– Винсенте! Как хорошо, что вы зашли. Я только что вошла в квартиру. Ходила посмотреть, работает ли наша булочная. Вы знаете, работает! Мне немного неловко перед вами. Хочу извиниться за свою вчерашнюю слабость. Наверное, напугала вас своим поведением и видом?

– Я тоже был не во фраке, – улыбнулся Винсенте. – Вы позволите войти?

– Проходите! У меня, в отличие от вас, не прячется мужчина. Впрочем, мужчина в доме все-таки есть, и он сладко спит!

– ?

– Рене. Вы забыли, что у меня есть Рене? – Маргарет была явно в бодром расположении духа, и голос ее звучал звонко с нотками радости.

– Конечно, я помню про Рене, – в ответ улыбнулся Винсенте, – но я как-то еще не научился относиться к нему как к мужчине.

– Вы завтракали? – Маргарет стала снимать пальто, Винсенте подхватил его и повесил на вешалку.

– Если честно, то нет. Поэтому с удовольствием выпью чашку чая, если предложите, или еще лучше кофе со сливками. И съем какую-нибудь булочку. Если у вас что-нибудь найдется!

– Пойдемте на кухню. И кофе даже есть! Прислугу я вчера отпустила. Поэтому всю ночь и тряслась одна от страха. Вы будете круассаны? Они свежие, даже еще немного теплые!

– Не беспокойтесь! Да, они такие аппетитные, что я с удовольствием съем, думаю, одного будет достаточно, – только сейчас Винсенте понял, насколько голоден.

Молодой мужчина пил кофе и разглядывал клетки на скатерти и фарфоровый сервиз, лишь бы не встречаться взглядом с красавицей-соседкой.

– Могу я с вами поговорить о Рене? Посоветоваться, – как бы невзначай спросила Маргарет.

– Разумеется. Вы можете говорить со мной на любые темы...

– Мальчик уже в том возрасте, когда пора ходить в школу. Но как? Я подумала, что в Брюсселе сейчас очень беспокойно. С любым из нас может случиться все, что угодно... Может быть, устроить Рене в какой-нибудь католический пансионат? Лучше за городом.

– Я разужаю, что тут поблизости есть подходящее. Буду рад, если хоть чем-то удастся вам помочь. Как у вас сейчас с деньгами?

– Спасибо, пока без проблем. Даже я бы сказала, единственное, что меня сейчас не беспокоит, это деньги.

– Замечательно. Ладно, я побегу, надо заниматься делами, – Винсенте поцеловал женщину руку и отправился восвояси. Было похоже на то, что он и хотел видеть Маргарет, и одновременно очень смущался от ее присутствия, а потому говорил и делал все немного невпопад.

«Я, пожалуй, совсем не умею жить одна. Почему я до сих пор одна? Винсенте вежлив со мной, но не более того. Неужели, он равнодушен ко мне, почему? – размышляла Маргарет. – Как растопить его сердце и заставить увидеть во мне не вдову Эрнеста Барча, а молодую и еще очень красивую женщину... Я ведь красивая! Да! Я красивая, очень! И сама виновата – слишком много говорю о покойном муже. Портреты Эрнэ повсюду висят в нашей квартире, это его пугает и отталкивает. А вдруг у него кто-то есть? С чего я взяла, что сердце Винсенте свободно и там достаточно места для меня... Надо будет поговорить с ним об этом. А как? Слишком навязываться неприлично... Он такой хороший, такой милый, – уговаривала себя женщина».

Через четыре дня Винсенте направился в контору одного своего влиятельного друга, Жюль Жаспара, владельца фирмы «Отличный заграничный плащ», и, кстати, младшего брата премьер-министра Бельгии. Месье Жюль Жаспар сам открыл дверь Винсенте и находился в крайне возбужденном состоянии, если не сказать, что в полном отчаянии.

– Как вы? Что случилось? – встревожился Винсенте.

– Можно сказать, разорен, – пробормотал Жюль. – Это все из-за вашего приятеля Адама Миклера!

– И что наш Адам? Что он натворил на этот раз? – Винсенте догадывался, о чем примерно идет речь. У них с Жюлем Жаспаром был один общий друг, который в свое время их и познакомил. И это был тот самый Адам, который находился в квартире уругвайского студента в злополучную ночь, когда в Бельгии началась война и испуганная Маргарет, надеясь на поддержку, барабанила в соседскую дверь. Адам в ту ночь говорил ему, что хочет подзаработать на процентах по какой-то выгодной сделке с акциями, но Винсенте слушал его не особенно внимательно. И, разумеется, тогда даже и предположить не мог, что будут затронуты интересы и деньги такого уважаемого человека как Жюль Жаспар.

– Этот прохиндей Адам вчера долго мне что-то объяснял про выгодную сделку с покупкой огромной партии плащей в фирме «Король каучука». Я человек дотошный, и обычно сам все проверяю по несколько раз. Не знаю, что на меня нашло вчера, и как я поддался на уговоры. Но вчера я самолично подписал все бумаги, которые мне подсунули. И только сегодня, внимательно во всем разобравшись, понял, что никаких плащей мы не купили, а просто отправили деньги на личный счет какого-то француза в каком-то малоизвестном французском банке! – негодовал Жюль Жаспар, – Я уже вызвал своего адвоката, мы будем судиться с Адамом Миклером и постараемся вернуть наши деньги. Впрочем, учитывая, что сейчас идет война, перспективы аннулировать эту операцию близки к нулю. Мне, возможно, даже нечем будет рассчитаться с адвокатом. Нет, ну, это же надо! Все сделал я сам! Росчерком пера триста тысяч франков подарил мошеннику.

– Ну, подождите, может быть все образуется! Вы встречались с Адамом после этого? Что он говорит? Отказывается от общения? Отвратительно! И что теперь? – Винсенте был искренне расстроен рассказанной Жаспаром историей.

– Фирму придется закрыть. Имущество из конторы распродать. Причем сегодня это все пойдет по дешевке. У меня есть еще кое-какая недвижимость в Брюсселе. Я сдаю ее в аренду. Вот только с этого и буду теперь жить. Моя семья разорена! Даже не представляю, как рассказать об этом жене! Кошмар!

– Сейчас у всех проблемы, – попытался утешить старика Винсенте. – Вы себя не накручивайте! Война – это всегда ужасно! Не знаю даже, что в вашей ситуации еще можно сделать. А я-то надеялся, что сегодня попрошу у вас какую-нибудь работу. Похоже, опоздал. Месье Жюль, может быть, вам сейчас не до этого, но не знаете ли вы какой-нибудь хороший католи-

ческий пансионат недалеко от Брюсселя? Одинокaя вдова просила меня подыскать что-нибудь для ее восьмилетнего сына.

– Мальчик католик?

– Да, католик. По матери он еврей, но внешне больше похож на отца, а его отец был венгр.

– Хорошо. Я помогу. У меня есть близкий друг – директор такого пансионата. Там очень хорошие условия. И достойное образование. Ваша вдова в состоянии вносить плату или она рассчитывает содержать ребенка на благотворительные пожертвования?

– Пока у нее есть деньги. Я посоветую ей сразу внести какие-то пожертвования в фонд пансионата, чтобы в случае, если потом вдруг начнутся перебои с оплатой, мальчик не оказался на улице.

– Не окажется. За это не беспокойтесь. Я дам рекомендации ее сыну. Им не откажут.

– Благодарю вас, месье!

Глава 4. Невеста

В этот же вечер в дверь его квартиры постучала Маргарет. Винсенте не мог не заметить, что впервые за последние месяцы женщина была одета в обычное, а не в траурное платье. Ткань была шелковистой, глубокого синего цвета, но в остальном платье было вполне скромным и без каких-либо украшений. И необыкновенно шло к ее белокурым волосам. «Все-таки она красавица, – отметил про себя Винсенте, – она обязательно выйдет замуж и будет счастлива!». В этот раз почему-то женщина деликатно отказалась проходить в квартиру молодого неженатого соседа и разговаривала на пороге.

– Месье, сегодня ко мне приходил пан Урбан. Он был партнером моего отца, приехал из Праги. И очень огорчился, когда узнал, что Зингеры эмигрировали в Америку. Я сказала, что теперь вы занимаетесь делами отца. У него есть какие-то интересные предложения, вы согласитесь с ним встретиться? Может быть, завтра?

– Конечно, встречусь. Вы, надеюсь, тоже поучаствуете в переговорах?

– Только в самом начале. Я ничего не понимаю в делах и не буду вам мешать. Он придет в 11 часов.

– А у меня тоже есть для вас новости. Я сегодня встречался с Жюлем Жаспаром, братом премьер-министра. Жюль рекомендовал для вашего Рене хороший католический пансионат. Я взял на себя смелость пообещать, что вы внесете некоторую сумму в фонд этого пансионата, а потом регулярно будете вносить стандартную плату.

– Да, это вполне меня устраивает. Спасибо! До завтра! – Маргарет ушла к себе.

Пан Урбан оказался сорокалетним чехом, добродушного вида и пышущим неумной энергией, с ярким румянцем во все щеки и длинными свисающими до подбородка рыжими как из проволоки усами. Урбан был коммерсантом и представлял интересы самой крупной в Чехословакии фирмы по производству хмеля. В Бельгии, как выяснилось из разговора с чехом, интерес к этим поставкам не только не упал, но стремительно рос. Урбан разговаривал с Винсенте так, как будто все уже решено – Винсенте будет заниматься хмелем в Бельгии. Следить за исполнением ранее заключенных контрактов и искать новых оптовых покупателей. Да! А для этого Винсенте придется здесь организовать фирму, акционерное общество, которая сможет контролировать поставки хмеля из Чехословакии. Предложение выглядело заманчиво. Да и сам Урбан понравился. Когда гость ушел, Винсенте принялся благодарить Маргарет.

– Не стоит благодарности! – улыбнулась женщина. – Вам ведь нужно начать какой-то свой бизнес. Или я ошибаюсь?

– Да! Нужно. Я давно искал какое-нибудь перспективное направление.

– И замечательно! А мне это ни к чему. Бизнес и я – вещи несовместимые! Да и не женское это дело... Берите все в свои руки!

– Маргарет, я ваш должник!

– Вы так считаете? – многозначительно улыбнулась Маргарет, и после небольшой паузы продолжила, – Тогда у меня сразу есть к вам просьба. Завтра я у себя дома организую небольшую вечеринку. Приедет одна моя родственница. Немка. Фройляйн Аман. Ну она даже не моя родственница, а сестра жены моего брата... Сестра Элеоноры.

– Я понял. Элеонора – немка. И потому эта Аман, ее сестра – тоже немка.

– Да! Именно так! И я хочу вас пригласить. Мне кажется, вдвоем, без вас, нам будет гораздо сложнее общаться. Я ведь с ней практически незнакома. И плохо говорю по-немецки, вы сможете меня подстраховать?

– Конечно! Я тоже не очень понимаю немецкий, но вместе мы справимся! И откуда она придет?

– Вообще-то она из Берлина. Но несколько дней назад приехала жить в Брюссель. Сегодня рано утром она мне звонила и искала свою сестру. Аман не знала, что вся наша семья уехала в Америку. Фройляйн Аман работает машинисткой у какого-то немецкого начальника. В интендантуре. Их отдел в полном составе перевели сюда из Берлина. Будут заниматься комплектацией обмундирования и продовольствия для немецких частей. Я понятия не имею, о чем с ней говорить... Вы не скромничайте, вы намного лучше меня знаете немецкий язык. Поможете мне поддержать беседу с этой немкой?

– С огромным удовольствием! Она, кстати, замужем? – лукаво спросил уругваец.

– Нет. Она представилась фройляйн. Я думаю, у нее какие-то особые отношения со своим начальником. По-моему, она называла его «мой полковник». Так что вряд ли ее сердце свободно. Впрочем, если она родная сестра Элеоноры, то, скорее всего, тоже симпатичная. Может быть, вам со временем удастся отбить ее у полковника.

– И даже пытаться не буду! – поспешил заверить Винсенте.

– Это почему же? – не без кокетства поинтересовалась Маргарет.

– Ох! Потому! Мое сердце давно и прочно занято! – многозначительно объявил мужчина.

– Вот как? – Маргарет сделала вид, что удивилась, а в глубине души надеясь, что сердце уругвайца безраздельно принадлежит все-таки ей, – А я не знала, что у вас есть любимая девушка...

– Конечно! Есть у меня девушка. На родине, в Уругвае, – не моргнув глазом, ответил молодой человек. – Это невеста, выбранная для меня моими родителями. Она из очень достойной семьи. Как только я самостоятельно, без финансовой поддержки родителей смогу ее обеспечить, мы сразу поженимся.

– Вашей девушке повезло. Вы достойно сохраняете верность! – голос женщины нисколько не дрогнул, так сильно она пыталась скрыть разочарование.

– Стараюсь! – почему-то вздохнул Винсенте.

– Ну, все равно, завтра приходите. Выручите меня, я не знаю, о чем говорить с этой фройляйн Аман. Вся надежда на вас.

Вспоминая этот разговор с молодым мужчиной вечером у себя дома, Маргарет очень расстроилась: «Так и есть. Его сердце занято, он даже и не видит во мне женщину. Просто соседка, старая, никому не интересная и надоедливая. Как обидно... И что теперь делать? Искать кого-то еще? Как, где?»

Вечером следующего дня, облачившись в шикарный темно-коричневый костюм и взяв в руки предусмотрительно купленный букет белоснежных роз, Винсенте наконец-то постучал в ее дверь.

– Аман, позволь тебе представить, – обрадовано воскликнула Маргарет, которая и в самом деле не знала, о чем говорить с немкой, – это мой сосед и друг Винсенте Сьерра.

Винсенте сначала галантно поцеловал руку Маргарет, а затем руку фройляйн Аман. Аман была худенькой и невысокой. С бледной кожей и тонкими губами. Ее русые волосы были коротко подстрижены, почти как у мальчика. Строгий темно-серого цвета костюм был ей явно велик и сидел мешковато. Присутствие рядом яркой и со вкусом одетой Маргарет еще больше подчеркивало невзрачность немки. Вместе с тем, у Аман были большие и выразительные глаза и, что сразу было заметно, очень добрый взгляд. Немка немного смутилась, когда молодой человек протянул ей букет белых роз и заговорил по-немецки:

– Это вам, фройляйн Аман! Очень рад с вами познакомиться! Маргарет рассказывала о вас. И я все думал, какая она, эта таинственная фройляйн Аман! Я все представлял, какие у нее глаза. У вас прекрасные глаза! Правда!

– Винсенте, мне неловко, когда вы так говорите... – засмушалась фройляйн Аман.

– Прошу всех за стол! – по-немецки позвала Маргарет. Эту и еще несколько расхожих фраз она днем подсмотрела в толстом пыльном чешско-немецком словаре.

Домработница с присущей ей сноровкой обслуживала гостей. Стол был сервирован в лучших довоенных традициях. Похоже, все запасы спиртного Зингера-старшего были выставлены, как минимум, для всеобщего обозрения и, как максимум, для дегустации. Фаршированная и заливная рыба, бараньи ребрышки, печеночный паштет. Обильная еда и питье заставили Аман разоткровенничаться, она с заметным акцентом, но все же говорила по-французски:

– Мне так хорошо с вами! Я чувствую себя как с родными людьми. А когда мы только приехали в Брюссель, было ужасно! Противный дождь, казенная квартира. На службе все такие скучные. Целый день приходится стучать на машинке...

– Вы давно работаете машинисткой? – поинтересовался Винсенте.

– Уже целый год! Всех немецких девушек, кто владел машинописью, чуть ли не насильно призвали в армию. Но платят очень хорошо! Я нисколько не жалею. И потом я почти сразу познакомилась с Бретшнейдером, и работа перестала быть слишком утомительной. Фриц тоже стал военным только год назад, а до этого торговал табаком. У него в Германии свои табачные фабрики и несколько магазинов, – после небольшой паузы Аман слегка закатила глаза и добавила шепотом многозначительно, – Он очень богат...

– Герр Бретшнейдер сейчас в чине полковника? – как бы невзначай уточнил Винсенте.

– С чего вы взяли? – Аман с удивлением посмотрела сначала на уругвайца, а потом сразу на Маргарет.

– А-а... Но ты же говорила про него «мой полковник», – принялась оправдываться Маргарет.

– Ах, вот вы о чем, – рассмеялась фройляйн Аман, – так это только я его так ласково зову. Это его нежное прозвище. Вообще-то он майор интендантской службы. Формирует эшелоны с продовольствием и обмундированием для солдат и офицеров. Скучная работа!

– Мы не дадим вам здесь скучать! – пообещал Винсенте. – Для начала я вас всех послезавтра приглашаю в ресторан! Да-да, и вашего полковника!

– Майора, – поправила Аман, – полковник он только для меня.

– Какая разница, в каком он звании! – рассмеялся в ответ Винсенте. – А на следующей неделе мы с вами поедem на охоту! Надо только подготовиться как следует! Вы были когда-нибудь на охоте?

– Нет, никогда! Но мне очень интересно! Я бы правда очень хотела!

– И еще у меня здесь много друзей, и я люблю шумные компании, так что скучать мы вам не дадим!

– Он действительно очень общительный человек, – подтвердила Маргарет, но с легким упреком, – и у него постоянно какие-то гости и какие-то поездки. С ним скучно не будет.

Маргарет, Аман и Винсенте принялись обсуждать, как все они замечательно будут развлекаться, и при этом с аппетитом поглощали еду, расставленную на столе, запивая спиртным.

Через несколько часов с улицы раздались два протяжных гудка клаксона автомобиля.

– Ой, поздно уже, – спохватилась Аман, – мне пора домой. Это Фриц за мной приехал!

– Мы проводим тебя до машины, – предложила Маргарет.

– И вы познакомите нас со своим «полковником», – добавил Винсенте.

Фройляйн Аман, Маргарет и Винсенте вышли вместе на улицу и подошли к автомобилю. Из него вышел крепенький невысокого роста майор.

– Майор Бретшнейдер, родился и вырос в Берлине, здесь по делам службы! – по-немецки представился он.

– Винсенте Сьерра, предприниматель, а это Маргарет – домохозяйка и просто потрясающе красивая женщина, – по-немецки ответил ему Винсенте.

– Вижу, что очень красивая. Со мной можно говорить по-французски, я почти все понимаю, но сам пока не говорю. Можно, я буду брать у вас уроки французского? – обратился он то ли к Маргарет, то ли к Винсенте.

– Ну, мой родной язык – испанский! – уточнил Винсенте. – Впрочем, я стараюсь в Бельгии говорить по-французски. Да и вы быстро освоитесь с языком, если будете больше общаться с нами. Вы позволите послезавтра пригласить вас в гости, а затем всем вместе пойти в ресторан? И фройляйн Аман, разумеется!

– С удовольствием, – обрадовался майор, – если, конечно, мое начальство не придумает для меня какое-нибудь менее приятное занятие.

– Вот и замечательно! Послезавтра, в семь вечера, жду вас!

Автомобиль уехал, Винсенте и Маргарет вместе стали подниматься по лестнице к себе на этаж.

– Вам понравились эти люди? – равнодушно спросила Маргарет.

– Мне кажется, что это, по крайней мере, полезно – иметь с ними приятельские отношения. Ну и что, что они оккупанты. Всегда может пригодиться, особенно если есть планы строить свой бизнес. К тому же у него связи в табачной сфере. Хмель и табак – чем не тема для открытия своей фирмы?

– М-м-м-да. Вы, пожалуй, правы, – не слишком уверенно согласилась Маргарет. – для деловых отношений они могут быть полезны. А я тоже приглашена к вам на послезавтра?

– Конечно. Вы мой самый главный гость! Самый-самый!

– Вы смущаете меня... немного... Ладно! Спокойной ночи, Винсенте...

– Спокойной ночи, Маргарет, – ответил Винсенте.

«Неужели, – подумала женщина, – ему не хочется меня обнять и прижать к себе крепко-крепко. А потом взять за руку и привести в свою квартиру, в свою спальню. Может быть, эти мои чувственные желания спровоцированы выпитым вином? А может быть, тем, что воздух пропах войной и обострились чувства и мысли.»

Неизвестно, о чем думал в этот момент мужчина, он просто скрылся за дверью своего холостяцкого убежища.

«Кажется, я начинаю понимать, чем вызван интерес ко мне этого молодого уругвайца – связи! Он хватается за любую возможность познакомиться с нужными людьми, а меня он просто использует. Как это мерзко! Он играет со мной, как с мышкой. Но я ему нужна не для любви, а для дела... Только для дела! Ну, и пусть... Не буду ему больше помогать! Не буду вообще с ним видаться! Даже дверь ему больше не открою! Да пошел он... А у меня есть другие варианты? Может быть, выходя с ним в свет, мне удастся встретить достойного мужчину... Кого? Достойные – они все на войне! Разве что подцеплю какого-нибудь богатого немца – вроде любовника Аман. Противно! Все противно! Ах, мой милый и дорогой Эрни, зачем ты оставил меня в такое трудное время...» – Маргарет разразилась рыданиями и долго не могла успокоиться. Потом, под утро, заснула...

Так или иначе, женщина приняла решение, что больше не будет общаться с соседом-уругвайцем. Он слишком молодой, совсем не богатый, не такой уж и симпатичный! Даже совсем не красавец! Она будет с ним разговаривать разве, что только в случае острой необходимости. И, уж, тем более, не пойдет к нему на вечеринку с майором и Аман. И не просто не пойдет – а не пойдет вон в том зеленом платье с изящной ажурной вышивкой на рукавах и в своем любимом и очень дорогом изумрудном колье.

Куда делись все эти зароки, когда через день Винсенте постучал в ее дверь. Сердце ее колотилось, она была уверена, что это именно он, кто же еще, и молнией бросилась к двери. Уругваец сбил все ее планы и заставил забыть так тщательно заготовленные слова, потому что в этот раз выглядел совершенно неожиданно, пребывая в состоянии тяжелейшего похмелья.

– Маргарет, дорогая! Да, я пьян! И да, я немножко плохо вел себя на одной немецкой вечеринке и сейчас не в состоянии не только принимать гостей, но даже, кажется, пошевелиться! – начал он свои оправдания заплетающимся языком. – У вас, наверняка, есть номер

телефона майора или фройляйн Аман, чтобы позвонить им и предупредить о моем нездоровье? И, самое главное, перенести мое приглашения на любой другой день?

– Да, выглядите вы, прямо скажем, неважно! Вам повезло, Винсенте. Два часа назад Аман сама позвонила мне, потому что не знает вашего номера, и просила извиниться. У них в интендантуре какая-то серьезная проверка, и им придется остаться на службе до поздней ночи.

– Счастье! Какое счастье, Маргарет! Через три дня все будет! Об-бе-бе-щаю! – заикаясь произнес мужчина, и удовлетворенный исполненной миссией, окончательно расслабившись, рухнул на кресло в прихожей и безмятежно посапывая задремал. Маргарет не стала его беспокоить, просто ушла в свою комнату. До прихода соседа она вместе с Рене читала книгу и теперь продолжила чтение.

Через какое-то время Винсенте проснулся и, не прощаясь, держась за стенку, направился в свою квартиру. Чувство стыда за свой похмельный вид не покидало его несколько дней, и он стеснялся показываться Маргарет на глаза.

Зато, когда Винсенте в следующий раз предстал перед Маргарет, он был гладко выбрит и свеж, облачен в белоснежную рубашку и гордо держал перед собой какие-то бумажки с разноцветными печатями.

– Что это? – поинтересовалась женщина.

– Это два бесценных пропуска, – Винсенте выдержал значительную паузу, чтобы придать новости статус чрезвычайно важной, и продолжил практически по слогам, – раз-ре-ше-ние на беспрепят-ственный выезд из го-рода в любое вре-мя дня и но-чи для ме-ня и для вас! В том числе, на авто-мо-биле!

– Но... я не умею водить автомобиль, а у вас его попросту нет! – как можно более равнодушно уточнила Маргарет, в хозяйстве которой как раз был автомобиль, оставшийся после покойного супруга.

– Я умею водить автомобиль, а у вас он есть! Поэтому не вредничайте и собирайтесь – через час жду вас на улице! Поедем к фермерам, купим свежей, полезной и здоровой еды для вас и вашего сына. Вы же понимаете, то, чем мы вынуждены питаться сейчас, рано или поздно приведет к несварению желудка!

И в самом деле, с продовольствием в Брюсселе становилось с каждым днем все сложнее, многие продукты можно было приобрести только по карточкам. Иногда люди выстраивались в магазинах в длинные очереди. Булочная, где Зингеры обычно покупали хлеб, давно закрылась – у хозяина закончилась мука. Маргарет, как и многие жители бельгийской столицы, стала забывать, как пахнут свежие хлеб, масло, и молоко. Еще бы дюжину яиц. И зелени. Для продуктов она возьмет большую корзинку. Ту, с которой они всегда с мужем ездили в деревню. Нет лучше две корзинки – и еще вон ту маленькую на всякий случай.

Винсенте так быстро скрылся в дверях своей квартиры, что от неожиданности и его напороистости Маргарет даже не успела отказаться от поездки. Женщина собралась – надела доверенное светлое платье, соломенную шляпку и белые носочки. Потом поверх накинула светлый плащ – вдруг пойдет дождь. Нашла свою плетеную корзинку. Поставила в нее бутылку питьевой воды – пригодится в дороге.

Загородная прогулка оказалась крайне приятной. Ах, как же хорошо ехать в автомобиле по залитой солнцем дороге рядом с молодым элегантным мужчиной, вполне уверенным в себе и в своей неотразимости. Он все-таки милый. И симпатичный. Даже несмотря на то, что при этом немного смешной и неуклюжий в своем стиле вождения. Конечно, шоферского опыта у него практически нет...

Стояла теплая июньская погода, они могли свернуть, где им заблагорассудится, даже и на проселочную дорогу, или остановиться, чтобы любоваться красотой лужаек и рощ. Птички щебечут! Солнце припекает... «Пусть Винсенте хотя бы на один день примерит на себя роль моего мужа, – размышляла Маргарет, разглядывая мужчину, все внимание которого, казалось,

было сосредоточено на дороге, – Ему эта роль не может не понравиться. Со временем он забудет про свою далекую и страшную уругвайку. Конечно, эта его невеста-уругвайка в принципе не может быть симпатичной, у них там все женщины слишком загорелые и с высохшей кожей. А вот примерно так, как сегодня, он смог бы разъезжать на дорогом автомобиле по живописным пригородам Брюсселя, выбираться на охоту, ездить в гости с красавицей блондинкой, умной, элегантной с тонким вкусом и европейским воспитанием. Что ему еще надо?»

В деревне Винсенте и Маргарет накупили кучу разной снеди, заполнили все корзинки и радостные вернулись домой. Пропуск с надписями на немецком языке и красной печатью производил впечатление и на немецкий патруль, и на бельгийских полицейских. Винсенте чувствовал себя героем, добытчиком, а Маргарет получила очередной шанс воспользоваться своим женским обаянием, чтобы произвести на мужчину желаемое впечатление.

Даже если у этой поездки опять не случилось любовного продолжения, она, как минимум, накормила сына Рене свежей и полезной пищей. И еще деревенская еда осталось на ближайшие дни. Пока действуют пропуска, добытые уругвайцем, они могут ездить, куда и когда захотят!

Вечеринка с Бретшнейдером и фройляйн Аман тоже состоялась. Чуть позже, через пару дней. Майор жаловался, что в последние дни прибавилось работы – приходится в огромных количествах закупать обмундирование для армии. Причем для жарких стран и для стран с очень холодным климатом.

Винсенте еще какое-то время продолжал ходить в университет. На благодушный лад его настраивали вечерние прогулки с Маргарет, когда она подробно рассказывала ему про свою довоенную жизнь. Иногда они вдвоем или вчетвером с Аман и ее майором ходили в ресторан.

С середины июня в университете начались каникулы. Винсенте захотел отметить это событие у себя дома с друзьями. Маргарет предложила встретиться в ее квартире – там намного просторнее и больше посуды. К тому же у нее есть домработница, которая работает постоянно. А уругвайцу самому пришлось бы все покупать, готовить, а потом убирать после гостей.

Хотя Маргарет и ее домработница предусмотрели, казалось бы, все, что нужно, вечеринка с самого начала как-то не заладилась, беседа за столом не клеилась, все сидели грустные. Особенно усталой и печальной выглядела фройляйн Аман. Она мало ела и почти не пила. Мужчины часто курили сигары, уединившись в соседней комнате, бывшем кабинете Эрнеста Барча, из которого предусмотрительно уже были убраны все портреты покойного и что-то там обсуждали про войну и политику. И в отсутствии мужчин, и когда они все вместе были за столом, немка время от времени шушукалась с Маргарет. Когда майор и Аман наконец-то ушли, Маргарет обратилась к Винсенте с весьма деликатным вопросом:

– Винсенте, вы меня извините... У вас нет знакомого врача-гинеколога?

– Что-то случилось? Что-то серьезное? Вам нужен врач? Вы заболели? – искренне встревожился Винсенте.

– Слава богу, не мне! Аман беременна. Она просила помочь ей найти врача... Ну, понимаете... чтобы сделать аборт. Она здесь никого, кроме нас, не знает, ей не к кому обратиться за помощью. У майора есть семья, и он не хочет расставаться с женой, хотя и любит фройляйн Аман. Сейчас такое время, что Аман одной не справится с воспитанием ребенка, даже если майор и будет давать ей какие-то деньги.

– Да, уж... Я спрошу у Жюля Жаспара. Он ведь не только брат бывшего премьер-министра, но и сам знает почти всех в этом городе. Постараемся помочь Аман.

– Да, угораздило же ее в чужой стране оказаться в таком положении, да еще в такое время!

– Что поделать. Не мы выбираем время, в котором предстоит жить. И от любви иногда рождаются дети.

– Господи! Это так ужасно – быть беременной и желать смерти своему ребенку. Ничего страшнее этого, наверное, в жизни и не может быть, – сокрушалась Маргарет.

– Может, увы! В жизни бывает столько горя и несправедливости. Человек так незащищен в жестоком мире. Да о чем тут говорить – в Европе уже идет война, и, судя по всему, ее масштабы мы даже и представить себе сейчас не можем! – Винсенте не слишком умел беседовать на тему беременности и поспешил перевести разговор в русло более понятных ему категорий.

– Может быть, если Германия нападет на Советский Союз, ей будет не до Бельгии и нас оставят в покое? – предположила Маргарет.

– Сомневаюсь, что кто-то останется в покое. Эта война коснется всех!

Известие о беременности Аман и надвигающейся опасности на относительно мирную жизнь Брюсселя не позволили Винсенте заговорить о чем-то радостном, приятном и романтическом, на что он, возможно, был бы уже и готов. Мужчина сдержанно попрощался с хозяйкой и отправился в свою квартиру.

Поиски врача для фройляйн Аман заняли не слишком много времени. Через неделю майор Бретшнейдер привез и вручил Винсенте толстую пачку денег, перевязанную тесемкой и предназначенную для гинеколога. Передавая деньги, майор между прочим спросил:

– Вы слышали, что сегодня наши войска начали освободительную войну в России?

– Еще нет! Ничего не слышал, – растерянно произнес Винсенте и заметно побледнел.

– Я думаю, что все мы скоро будем праздновать великую победу армии фюрера. В Москве обязательно состоятся грандиозные торжества. Я слышал, что готовятся списки приглашенных гостей на праздничный ужин в Кремле. Меня эта участь миновала. Совсем не хочется оказаться в этой дикой стране. Даже в качестве гостя. Мне и тут хорошо! И мне гораздо важнее здоровье Аман. Я так за нее волнуюсь...

С той минуты Винсенте с трудом скрывал, что его мало интересует здоровье Аман: «Война! Все-таки война Гитлера с Советским Союзом началась. Что теперь будет?»

Через несколько дней в квартире на улице Беко, 106, состоялась подпольная операция по убийству плода несчастной Аман. Гинеколог, которого рекомендовал Жаспар, знал свое дело и работал споро. Все обошлось без осложнений. Измученная морально и физически женщина уже на следующий день пошла на службу. Зато и этот, и последующие дни Винсенте был как в полусне.

Главные военные действия переместились в Советский Союз. В Брюсселе теперь, напротив, все выглядело относительно спокойно.

Глава 5. Акционерное общество

Маргарет видела, что в душе уругвайца бурлят какие-то тревоги и волнения. Она отнесла это на гнетущее для любого мужчины состояние бездействия и неопределенности, в котором Винсенте приходилось теперь пребывать: работы нет, в университете каникулы, кругом война. Винсенте по-прежнему не располагал значительными средствами, но все же Маргарет уговорила его больше не откладывать создание собственной фирмы. Ждать лучших времен – а наступят ли они? Да и какие времена лучшие? Тема для акционерного общества определилась сама собой – оптовая торговля товарами первой необходимости. Было придумано и красивое название «Симекско». Название было образовано из сокращений французских слов: «Компания по импорту и экспорту». Предстояло найти акционеров, готовых раскошелиться. Это, как и ожидалось, оказалось самым сложным. Деньги для уставного капитала собирались по крупицам. Свою небольшую долю Винсенте Сьерра внес из собственных средств. Как ни удивительно, удалось уговорить стать акционером владельца конторы «Отличный заграничный плащ», Жюля Жаспара, да того самого, брата бывшего премьер-министра. Несмотря на то, что их общий с Винсенте приятель некоторое время назад спровоцировал вывод со счетов Жаспара большой суммы денег, у старика остались еще кое-какие запасы. Он и сам деньги внес и подтянул в компанию крупного брюссельского ресторатора. Даже этого было явно недостаточно, и дальше дело немного застопорилось. Помучавшись несколько дней с решением такой сложной проблемы, молодой предприниматель придумал красивую схему, в которой не обошлось без хитрости. Он предложил нескольким самым влиятельным бизнесменам Брюсселя стать акционерами, при этом пообещал, что деньги за их акции внесет сам. И действительно, порывшись в записной книжке Зингера, и вытащив оттуда имя и адрес влиятельного человека из банковской сферы, Винсенте Сьерра взял на несколько месяцев кредит на более, чем выгодных условиях, и из этих средств и от их имени оплатил доли фиктивных акционеров. Их имена в списке учредителей нужны были исключительно для того, чтобы придать компании солидность. Были наняты опытный юрист и бухгалтер, рекомендации которым нашлись в той же записной книжке отца Маргарет. Не прошло и месяца, как в единственной сохранившейся в Бельгии газете «Королевский вестник» было опубликовано сообщение о регистрации акционерного общества «Симекско» и представлен список его акционеров. Винсенте Сьерра был единодушно избран председателем акционерного общества.

Маргарет с таким интересом и энтузиазмом помогала Винсенте на его новом поприще, что через какое-то время многие общие знакомые стали воспринимать ее как его жену. При этом на самом деле до сих пор никакой физической близости между ними не было.

Очень скоро в «Симекско» пошли заказы от германской интендантуры на продовольствие, табак и алкоголь. Разумеется, этому способствовало благосклонное отношение майора Бретшнейдера. Закупки, сделанные, с одной стороны, по заказу майора германской армии, а с другой стороны, в принадлежащих бизнесмену Бретшнейдеру фирмах, одинаково радовали и Винсенте, и майора. Пригодилось и знакомство с чешским бизнесменом Урбаном. Поставляемый им хмель приносил ощутимые дивиденды. Постепенно фирма обрала новыми поставщиками и покупателями. Все шло просто замечательно!

Винсенте взял в аренду небольшое помещение в центре Брюсселя и оборудовал новый респектабельный офис. Настала пора позаботиться и о новом жилье. Скромная квартирка на улице Беко никак не соответствовала статусу преуспевающего председателя акционерного общества. Приходилось не только чаще бывать в ресторанах с потенциальными клиентами, но и время от времени принимать их в своем доме. Так принято в деловом мире – если ты хочешь развивать свой бизнес и демонстрировать серьезность поступков и статус, надо следо-

вать негласным правилам, которые достаточно определенно предписывают, какой процент от дохода владельцу компании следует тратить на жилье.

Винсенте посвятил несколько дней, чтобы выбрать какое-нибудь подходящее здание из сдаваемых в аренду. Больше всего ему понравилась вилла на авеню Следер. Старинный особняк был недавно основательно реконструирован хозяевами, и что показалось особо притягательным, окружен фруктовым садом. Здесь росли яблоки, груши, вишни. Как раз сейчас, во второй половине лета, деревья были усыпаны сочными и аппетитными плодами. Запах фруктов и цветов, беззаботное жужжанье пчел были манящими и приятно расслабляющими. Но самое главное – это просторные меблированные комнаты с огромными окнами в сад и застекленная терраса... Маргарет вилла тоже очень понравилась. Она совсем не предполагала, что новоиспеченный бизнесмен предложит и ей туда перебраться вместе с ним. Дом был настолько хорош, что, когда Винсенте попросил ее об этом, женщина согласилась переехать, долго не раздумывая.

Едва переступив порог нового дома на авеню Следер, Маргарет посчитала необходимым четко определить здесь свою роль и оговорила определенные условия – во-первых, она не собирается быть любовницей Винсенте и хочет жить в отдельной комнате, на втором этаже. Во-вторых, через стенку пусть будет комната для Рене. Мальчика по протекции Жюля Жаспара к тому времени удалось устроить в католический пансионат, и теперь он приезжал к матери только на каникулы. И сейчас как раз были каникулы.

В оставшихся двух комнатах второго этажа было решено поселить прислугу.

То, что бывшая соседка продолжит играть роль супруги синьора Сьерра только в присутствии партнеров по бизнесу или клиентов компании, а для сына, прислуги и его самого останется безутешной вдовой, сохраняющей верность своему умершему мужу Эрнесту Барча, для Винсенте, похоже, стало неожиданностью. Не исключено, что он надеялся, что в той игре, которую они некоторое время назад вдвоем затеяли, все будут более добросовестно и активно играть свои роли. Причем не только на людях, но и, оставаясь наедине. Ну, раз ей так хочется – пожалуйста. Да и почему бы ему не понадеяться, что неприступность женщины улетучится в самое ближайшее время – он одинок, у Маргарет никого нет, так что же ей еще надо...

В свою очередь Маргарет холодным умом рассчитала, что ее показное равнодушие подстегнет физическую страсть молодого мужчины, ее полезные житейские советы добавят ей ореол незаменимости, и вот тогда Винсенте окончательно перестанет вспоминать свою невесту-уругвайку. Маргарет не станет довольствоваться ролью любовницы – она должна получить предложение руки и сердца. С другой стороны – женщина и сама до сих пор не была в значительной мере уверена, а хочет ли она связать всю свою жизнь с молодым уругвайцем – во-первых, он молодой, во-вторых, уругваец...

Так или иначе в первые месяцы жизни на вилле Следер, бизнес Винсенте стремительно развивался, а их отношения с Маргарет – нет.

На виллу Следер чаще других партнеров стал приезжать некто, представленный Маргарет как Жан Жильбер. Женщина почти сразу вспомнила это лицо, которое она видела прежде мельком всего один раз – на улице Беко, в квартире Винсенте, той страшной ночью, когда немцы вступили на территорию Бельгии. Тогда их никто не знакомил. Теперь же он, француз Жан Жильбер, с удовольствием иногда оставался ночевать на вилле Следер в спальне для гостей и чувствовал себя здесь вполне комфортно.

Маргарет тогда и понятия не имела, ни откуда Жан Жильбер взялся в жизни Винсенте, ни какими делами этот человек занимался прежде. Она знала только, что сейчас по примеру друга-уругвайца Жан увлечен организацией в Париже филиала фирмы «Симекско» с похожим названием «Симекс». Офис французской «Симекс» расположился не где-нибудь, а на Елисейских полях, рядом с известным ночным рестораном «Лидо». Винсенте через свои связи в германской комендатуре выхлопотал для Жана Жильбера пропуск для беспрепятственного про-

езда по всей территории Франции и Бельгии. Мужчины могли встречаться, где они хотят, и когда они хотят – но встречались они преимущественно на вилле Следер.

Построенная по образу и подобию бельгийской компании, французская «дочка» также стала добиваться заметных успехов. Ставка была сделана на ремонтно-строительные работы. Жильбер оказался очень энергичным и везучим, ему без труда удалось завязать полезные знакомства и, подкармливая своих заказчиков подарками и откровенными взятками, впрочем, точно так же, как это делал Винсенте, обеспечить приток денег на счет фирмы. Неизвестно почему, но компания Жана получила от Винсенте особые привилегии – брюссельская «Симекско» разрешила своей французской «дочке» не делиться ни с кем заработанными деньгами, а все тратить на зарплату сотрудникам и развитие.

Жан Жильбер приезжал в гости все чаще. И все чаще оставался ночевать. Возможно, визиты французского партнера и были в определенной степени оправданны интересами дела. А может быть, ему, как и хозяевам, очень нравилась умиротворенная обстановка на вилле Следер. Имея с Жаном вполне доверительные отношения и уже тяготясь положением фиктивного мужа, Винсенте в разговоре с приятелем как-то проговорился, что Маргарет играет роль любимой жены только для публики. Их связывает дружба, некоторая симпатия, но не более того. Жан Жильбер посочувствовал товарищу, сказал какие-то правильные слова в утешение. И все бы продолжалось вполне мирно, если бы Жан вдруг сам после этого не начал проявлять повышенный интерес к Маргарет. Он буквально вился вокруг нее, рассыпался в комплиментах, ловил каждый ее взгляд и пытался предугадать любое ее желание. Маргарет изо всех сил пресекала эти ухаживания, сторонилась Жильбера, насколько это было возможно, и не давала Винсенте ни малейших поводов для ревности. Она не раз высказывала свое недовольство поведением Жана, когда оставалась с Винсенте наедине:

– Я понимаю, что он твой партнер, я понимаю, что ты вынужден поддерживать с ним отношения. Но он меня раздражает! Я видеть его не могу! Почему он постоянно находится в нашем доме? В твоём доме!

– Это ты так возмущаешься, потому что он пытается за тобой ухаживать? – горько усмехнулся Винсенте.

– Не знаю почему! Нет, не только поэтому! Мне кажется, он плохой человек.

– Что делать, не все люди, которые бывают в нашем доме, или с которыми мне приходится общаться где-то на стороне, мне приятны. Иногда просто приходится делать вид.

– Я понимаю. Это нужно для дела. Но никто из остальных неприятных людей или просто знакомых не пытается так откровенно ухаживать за мной...

– Я просто рассказал ему, что ты игнорируешь мои чувства. И у него появилась надежда занять место рядом с тобой...

– А вот зря ты всем рассказываешь про наши отношения, – упрекнула Винсенте Маргарет.

– Никому я ничего не рассказываю. Только ему и пожаловался, что ты меня совсем не любишь. Извини. Так получилось. Не переживай, я с ним поговорю.

Винсенте, как и обещал, попросил Жана Жильбера не быть навязчивым по отношению к Маргарет, и тот, кажется, внял его просьбе.

Винсенте Сьерра, президент и директор-распорядитель акционерного общества «Симекско», стал желанным гостем в брюссельских кабинетах многих армейских начальников. Секретарши, которым со словами: «Я вот тут недавно вернулся из Парижа» доставались в подарок флаконы модных духов, пудра, лак для ногтей, шоколадные конфеты, кому-то даже дорогие сигареты – дамские, удлиненные с тонким ароматом, находили способы, чтобы Винсенте не задерживался в приемной, а сразу удостоивался аудиенции у их руководителей. О чем он болтал с немецкими офицерами за наглухо прикрытыми дверьми? Да о самых, что ни на есть

важных мужских делах – охоте, ресторанах, покупках-продажах трофейного антиквариата и о красивых женщинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.